

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Философия и институты: случай феноменологии

Существующие способы трансляции и развития философской мысли в основной своей части организованы таким образом, что поддерживают представление об определенной внеисторической и внесоциальной тождественности дискурсивных образований в этой сфере. Когда говорится, например, о таких философских направлениях, как теория науки или феноменология, предполагается, что существует некоторое устойчивое концептуальное образование, которое хотя и окрашивается в соответствии с тем социально-культурным контекстом, в котором оно оказывается, однако продолжает сохранять определенную идентичность. Предполагается также, что философская проблематика как таковая может быть вычленена и усвоена в ходе внимательного аналитического прочтения определенных произведений, имеющих систематический и теоретический характер. Сам по себе этот способ экспликации философских проблем является значимым социальным и дискурсивным фактором, оспаривать который на теоретическом уровне — означает игнорировать его природу, включающую в себя как идейно-теоретическую, так и социально-институциональную компоненту. Как и в любой другой науке, теоретизация в философии, направленная на «сами вещи», предполагает овладение некоторым методологическим и концептуальным аппаратом, который в данной области в основном и сводится к усвоению определенных категориальных схем и дискурсивных навыков. Внимательное чтение определенного корпуса текстов, попытки продолжения и развития вычленяемых в ходе этого чтения рассуждений, обобщенное и адаптированное к современному языку изложение прочитанного и даже перевод — все это составляет существенную часть деятельности образовательных и исследовательских структур современного философского предприятия, в который современный философ включен тем или иным образом. Генезис систематического и исторического канона этого предприятия, сводимого к корпусу определенных текстов, не является предметом сколько-нибудь пристального интереса, поскольку

такого рода исследования обнаруживают контингентный характер того, чему предписывается безусловная значимость. Освоение этого канона в философии, успешность которого может быть понята также как умение принимать участие в определенных «языковых играх», образует основной состав профессиональной компетенции в этой области. При этом любая попытка поставить этот канон под вопрос, эксплицировав конечный объективированный ряд социально-исторических факторов, под влиянием которого он сложился, грозит нарушением профессиональной идентичности, что воспринимается — в силу ряда особенностей данного типа занятий — также и как покушение на персональную идентичность как таковую. (Сказанное относится не только к философии, но ко всей сфере так называемых гуманитарных наук в той мере, в какой здесь отсутствует «общепринятый» (по меньшей мере конвенционально) эмпирический базис и набор проблем, по отношению к которому могут безболезненно релятивизироваться концептуально-теоретические средства.)

Попытка дистанцироваться от сложившейся системы воспроизводства и передачи философского знания может быть реализована в рамках двух стратегических подходов. Радикально-критический подход предполагает выход за пределы *de facto* институционально признанного философского дискурса как такового и обращение к языку политики, искусства, психотерапии и т. п. Второй предполагает мобилизацию допустимых в рамках данного дискурса средств критики, которая может опираться на набор нормативов, обеспечивающих рациональную легитимацию самих научных институтов (требование критического рефлексивного отношения к собственным позициям и т. д.). Первая стратегия так или иначе реализовалась в эпатажных версиях критики идеологии, «конца философии» и т. д. Вторая находит свое выражение в расширении пространства самого научного дискурса, в частности, в конституировании новых дисциплин, одной из которых является, например, «социология знания» (радикальные версии которой зачастую довольно близки первому подходу). Несмотря на большой резонанс концепций, развиваемых в рамках первой стратегии, представляется возможным констатировать, что не существует способов устойчивой трансляции подобной методики независимо от тех институтов и дискурсивных практик, от которых эти концепции изначально предполагали дистанцироваться. Убедительность критического отношения здесь напрямую зависит от степени владения исходным материалом, тогда как попытка генерализации такого рода подходов в чистом виде стремительно обесценивает его значимость (что выражается в маргинализации соответствующего подхода в рамках существующих академических институтов).

Данную проблему можно переформулировать также в терминах конфликта интерналистского и экстерналистского подхода к рассмотрению философских и научных проблем. Но если применительно к конкретным (в первую очередь — естественным) наукам современная история и тео-

рия науки давно миновала этап интернализма, то в области философии доминирующим профессиональным способом освоения проблематики является сугубо интерналистский способ анализа теоретического содержания определенных текстов. Причем этот доминирующий уклад философии работает как механизм, поддерживающий и закрепляющий сам себя. Например, фиксация Канта в качестве одной из основных фигур в философском развитии последних трех столетий осуществлялась посредством подробнейших комментариев, вроде комментария Файхингера, составления огромных частотных лексических индексов (утративших свое значение с приходом электронных текстов), самых разнообразных критических изданий сочинений, не говоря уже об огромной вторичной литературе как таковой. Можно также отметить тенденцию к гомогенизации базового канона философских текстов, для которой не составляют препятствия весьма существенные доктринальные различия между философскими направлениями. Например, даже в советской философии картина новейшей философии складывалась под доминирующим влиянием немецких учебников.¹ Как результат — гипертрофированный объем исследований относительно фигур, в связи с которыми едва ли можно рассчитывать на то, чтобы высказать нечто новое (допущение, основывающееся на невозможности освоения всего корпуса соответствующей вторичной литературы), и безбрежная пустыня на месте действительной интеллектуальной истории. По этой причине методологический подход Рэндалла Коллинза, основанный на количественном анализе «различных изложений истории философии» (Коллинз, 2002, 115), до определенной степени лишь закрепляет данную наивность в философии, слепо следующей генетически непроясненной «истории героев». Как результат имеет место вытеснение в сферу узкого специализированного интереса тем и персоналий, отсев которых первоначально происходил под влиянием конъюнктурных факторов своего времени. Приведем два примера.

Критическое отношение к Канту в период становления неокантианства в Германии и формирования истории философии как особой философской дисциплины привело, например, к тому, что за пределы базового канона истории философии был фактически выведен А. Тренделенбург — одна из ключевых фигур Германии 19-го века, предложивший, в частности, в ситуации послегегелевского кризиса «теорию науки» как одну из стратегий сохранения теоретических притязаний философии. Это «слепое пятно», которое можно объяснить, исходя из текущей дискуссии того времени (критическое отношение Тренделенбурга к Канту, поворот к ари-

¹ Ср., например, рубрицирование и отбор персоналий для третьего тома «Антологии мировой философии в четырех томах» (М.: Мысль, 1971) и двухтомную историю философии Иоганна Хиршбергера (Johannes Hirschberger. *Geschichte der Philosophie*. Erstdruck: Freiburg 1948/1952).

стотелизму и ряд других), подвергается закреплению в ходе последующего вторичного воспроизводства канона, тогда как интерналистский подход при освоении философской проблематики не позволяет обратиться к реальному полю философской дискуссии, следуя исключительно предначертанным ранее связкам. В качестве другого примера можно привести историю формирования такой философской дисциплины, как «теория познания». Бытующее профессиональное мнение на этот счет сформулировано неокантианцем Э. Кассирером и состоит в том, что сам термин «теория познания» был введен в 60-х гг. 19-го века неокантианцем Э. Целлером, что соответствует формулированию проблематики теоретико-познавательного подхода в рамках неокантианства.² В то же время как история термина восходит, в действительности, к 1801 году, а история проблемы – к работам Фридриха Эдуарда Бенке 20-30 гг. 19 века.³ Для понимания истории формирования теоретико-познавательного подхода контекст возникновения этой дисциплины является, разумеется, важнейшим, поскольку именно он объясняет возникновение традиции, в которую уже заранее встроен современный теоретик познания. Вместо этого мы имеем дело с имплицитно идеологизированной историей проблемы, за пределы которой невозможно выйти путем интерналистской работы в рамках общепринятого канона авторитетных текстов и заданных вариантов их интерпретации, поддерживающих эту историю.

Альтернативный экстерналистский подход (или сочетание интерналистского и экстерналистского подхода) в значительной степени позволяет избежать указанных недостатков, ориентируясь на широкий контекстуальный подход к анализу философских позиций. Не затрагивая в данном случае весь комплекс вопросов, возникающих в связи с особенностями ряда концепций современной социологии знания и, применительно к нашей теме, социологии философского знания, определим, однако, собственную позицию в контексте этих дискуссий.

1. Дилемма каузального и не-каузального подхода в сфере социологии знания является, на наш взгляд, некритично воспринятой оппозицией, формирование и основные функциональные роли которой восходят к середине 19 века. Перманентная дискуссия в этих категориях ведется более полутора столетий и структурно аналогична ряду других проблем, которые примерно с этого же времени неизменно воспроизводятся в философии (к таким относится, в частности, психофизическая проблема, про-

² Это же воззрение транслируется и парадигмальными критиками теоретико-познавательного подхода. См. Рорти, 1997, 100.

³ «У Бенке, ориентировавшегося на Джона Локка, впервые определяется смысл и содержание учения о познании в современном смысле, и оно понимается при этом как проект, противоположный метафизике, обновленной в немецком идеализме» (Köhnke, 1986, 70). В этой же работе см. подробную историю термина «теория познания» (Köhnke, 1986, 58 ff.).

блема наличия бессознательного и т. п.). Ввиду этого приписывание каузальному подходу научного характера *par excellence* является, по существу, воспроизведением репрессивной формулы, которую само следовало бы подвергнуть историко-социологическому анализу в первую очередь.

2. Представляется, что нивелирование идейной структуры философских работ как «социального института» с другими социальными институтами примитивизирует набор аналитических средств, провоцируя построение однозначных детерминационных зависимостей в духе «критики идеологии» (см., например, анализ немецкого академического сообщества, предложенный Фритцем Рингером (Ringer, 1969)). «Чистый» анализ содержания философских работ поддерживается существующими институтами современной философии (как образовательными, так и исследовательскими) и является структурно самостоятельным элементом построения и функционирования философского дискурса в целом. Если же, в свою очередь, критически подходить к такого рода вариантам «критики идеологии», то можно отметить, что в своем последовательном проведении этот подход ставит в двусмысленное положение работы самих его сторонников, к которым сразу же обращается требование рефлексивности.

3. Различие между «чисто теоретическим» содержанием философских работ и их возможным функционированием в качестве социальных факторов является действующим и конститутивным фактором самим по себе. Игнорирование этого и сходных различий, признаваемых агентами, действующими в теоретическом и социальном поле, имеет следствием: а) искажение реконструкции «комплекса воздействий» (Дильтей), порождающего определенные дискурсивные конфигурации, являющиеся предметом исследовательского интереса; б) потерю специфики гуманитарного анализа как такового. Историческая, культурная и теоретическая дистанция не является в этой сфере достаточным основанием для такого рода редуktивных процедур, поскольку учет дифференциаций, проводимых участниками потенциального коммуникативного взаимодействия, является имплицитной нормой научного дискурса как такового.⁴ (Вообще говоря, данный аргумент от «норм коммуникации» позволяет, на наш взгляд, ориентировать познавательную установку в постметафизическую и постпозитивистскую эпоху при одновременном сохранении определенной специфики того дискурсивного комплекса, который мы называем «научным познанием».) Это положение следует, видимо, пояснить на примере.

⁴ Ср. К.-О. Апель, Развитие «аналитической философии языка» и проблема «наук о духе»: «Необходимость 'понимания' обнаруживается ... в первую очередь не как необходимость психологического вчувствования, а как необходимость участия в intersубъективном диалоге. Поскольку такая необходимость существует — а это следует признать по меньшей мере применительно к интерпретативному сообществу ученых, — постольку она никоим образом не может быть заменена объективными методами объяснения 'поведения'» (Апель, 2001, 128).

Франц Brentano однажды высказал следующее замечание относительно объема работы Гуссерля «Логические исследования»: «Я, конечно, знаю, с какими соображениями в настоящее время должен считаться встающий на ноги доцент в отношении публики, точнее правительства, которое способно вымерять только количество, а не качество» (письмо Гуссерлю от 21.X.1904 (BW, I, 23)).⁵ Такого же рода предположение, несомненно, мог бы высказать и современный социолог знания. Если бы он подкрепил его сведениями из соответствующих правительственных документов или же документов, которые не имели официального статуса, но выражали сложившиеся негласные соглашения по поводу объема сочинений перспективных приват-доцентов в Германии на рубеже 19-20 вв. (он мог бы сослаться, в частности, и на это суждение Brentano), то читатель мог бы посчитать предложенное «объяснение» достаточно обоснованным и правдоподобным. Однако такой объективирующий подход, предельно упрощающий мотивационную структуру, определяющую действия Гуссерля, тем самым препятствовал бы развитию более сложных и многофакторных концепций, нацеленных на контекстуальное изучение возникновения «Логических исследований». К счастью, мы располагаем *аргументированным* ответом Гуссерля на объяснение, предложенное Brentano.⁶ Самоопределение Гуссерля по отношению к этому объяснению является самостоятельным социальным и идейным фактором, который указывает на то,

⁵ Привлечение здесь и далее переписки Гуссерля объясняется довольно простым (однако важным с точки зрения социологии знания) обстоятельством. Корпус текстов, составляющих наследие Гуссерля, является на сегодняшний день одним из наиболее репрезентативных в сравнении с опубликованным наследием многих других мыслителей 20-го столетия. Переписка является при этом *уникальным* источником, поскольку она, с одной стороны, все еще продолжает функционировать как полноценный научный документ, нередко более значимый, чем «открытые» публикации (см. роль переписки Рассела и Фреге, Гуссерля с Дильтеем и Фреге и т. д.). Тем самым в рассматриваемый период она все еще сохраняет ряд функций, выполнявшихся перепиской до возникновения общераспространенных на сегодняшний день каналов научной коммуникации (журналы, конференции и т. д.). С другой стороны, переписка имеет больше степеней дискурсивной свободы: именно здесь можно разыскать случаи «перевода» и декодирования теоретических выкладок применительно к социальным и институциональным контекстам, которые блокируются правилами построения публичных текстов. Именно в этом проявляется ее большое значение как эмпирического базиса исторического и социального исследования.

⁶ Письмо Гуссерля Brentano (3.I.1905) «Встающим на ноги приват-доцентом», обращающим внимание на публику и правительство, я на самом деле не был. Такого публикуют сразу много и часто. Он определяется в своих проблемах и методах модой, он опирается в этом на тех, кто имеет широкое влияние и известность (Вундт, Зигварт, Эрдман и т. д.), и особенно остерегается радикально их оспаривать. Напротив, я поступал совершенно противоположным образом, поэтому нет ничего удивительного в том, что я оставался целых 14 лет приват-доцентом и даже сюда, в Геттинген, прибыл только в качестве экстраординарного профессора и против желания факультета. В течение девяти лет я, можно сказать, ничего не публиковал, а после публикации настроил против себя почти все авторитеты. Этих

что обширный характер его знаменитой работы если и срабатывал как положительный фактор в последующей карьере Гуссерля, однако в иерархической системе целей, реализуемой посредством этой работы, не играл определяющей роли. Объяснение, предложенное Brentano, является редукционистским постольку, поскольку связывает замысел работы с институциональным фактором узкой контекстуальной значимости (а именно, связанным с текущими карьерными задачами), что, однако, блокирует рассмотрение феноменологического проекта Гуссерля как ориентированного на решение более амбициозных, по сути — культурно-цивилизационных задач.⁷ Очевидно, однако, что правильная ориентация в действующей здесь системе факторов требует значительно более трудоемкого анализа многочисленных социальных отношений, включающих не только карьерные стратегии представителя профессиональной философской корпорации, но также его положение как чиновника в системе немецкой бюрократии (после получения профессорской должности), культурный сдвиг, произошедший при намеренном перемещении из австрийской в германскую среду, давления, испытываемое евреями в немецкой социальной среде и т. д.

С учетом высказанных общих замечаний укажем теперь ряд базовых институциональных особенностей того контекста, в котором происходило конституирование феноменологической философии и которые, на наш взгляд, сыграли важную роль при возникновении и развитии феноменологии и раннего феноменологического движения, обеспечившего этому философскому направлению широкое институциональное признание. В первую очередь необходимо отметить, что при анализе философской динамики в этот период следует считаться с тем широким контекстуальным обстоятельством, что в 19-20 вв. философия в Германии находится в *уникальной ситуации*, которую лишь приблизительно можно сравнить с положением философии в других странах и которая связана с функционированием Гум-

последних — тем, что я сам ставил перед собой проблемы и шел своими собственными путями, а также тем, что в критике я не руководствовался никакими другими соображениями кроме соображений сути дела. Поступал я так, однако, не из добродетели, а в силу неизбежности и необходимости. Эти вопросы обрели надо мной такую власть, что я не мог иначе — несмотря на настоятельную потребность в скромной должности, которая могла бы предоставить мне внешнюю независимость и возможность более значительного личного влияния. Это были тяжелые времена для меня и моей семьи, и, памятуя о том, что я должен был перенести тогда, я все же не могу легко позволить ставить себя рядом с теми рачителями, которые никогда не посвящали себя делу, не говоря уже о том, чтобы пострадать за него, но зато могли притязать на все внешние успехи и почести» (BW, I, 25-26).

⁷ Тенденция, публично проявившая себя у «позднего» Гуссерля, но вполне осознававшаяся уже представителями раннего феноменологического движения. Так, Адольф Райнах писал с фронта Теодору Конраду в 1915 году: «я не изменил своего убеждения в том, что феноменология может дать то, что требуется новой Германией и новой Европе; я верю, что перед ней открыто великое будущее» (см. Райнах, 2001, 423).

больдтовой модели университета⁸. По своему генезису *теоретические* корни этой модели могут быть прослежены в немецком неогуманизме и работах Канта, тогда как на ее формирование непосредственное влияние оказали другие представители немецкой «классической философии», а также Шлейермахер. Ключевым моментом в истории немецкой философии после открытия университета нового типа в Берлине (1808) является то, что легитимация этого института в целом имела *философский характер*⁹ и ориентировалась на философски фундированное понимание взаимодействия института науки и других социальных институтов (в первую очередь государства). Эта теоретическая легитимация, основывающаяся на определенном видении структуры и динамики развития научного знания, не только определяла *внешний* характер взаимодействия института, в котором локализовалось научное знание, с социальной системой в целом, но и предписывала специфическую *внутреннюю* структуру этому институту, основываясь, опять же, на определенных представлениях о динамике и векторе развития знания. В рамках этого института происходит канонизация его предтеч и протагонистов («немецкая классическая философия»), которым довольно быстро придается статус общенациональной культурной ценности (в особенности Канту и Фихте, тогда как положение Гегеля — ввиду нарушения одного из институциональных постулатов, предписывающих бесконечный характер развития знания,¹⁰ — является здесь проблематичным). Прекращение этой институциональной гомогенности можно датировать приходом к власти нацистов. Однако если учитывать активные попытки реанимации этой модели, предпринимавшиеся философами и после второй мировой войны (в лице, главным образом, Карла Ясперса), то можно

⁸ Подробнее об «университете Гумбольдта» см. публикуемый в этом номере журнала фрагмент работы Г. Шнедельбаха «Философия в Германии 1831-1933».

⁹ В 1910 году Эдуард Шпрангер писал в своей работе «Вильгельм Гумбольдт и реформа образования»: «Только полным преобразованием понятия науки, которое было осуществлено новой философией, можно объяснить то, что труд Гумбольдта мог увенчаться учреждением университета. То, что возникло в Берлине, было чем-то действительно новым по своей сути, а не только по величине и изобилию. Здесь нашла организационное выражение высокая идея знания, преодолевавшая основную техническую ориентацию Просвещения» (Spranger, 1960, 13). Само появление работ Шпрангера о Гумбольдте (см. также Spranger, 1909), отмечавших ключевую роль немецкой классической философии в проекте нового университета, также может быть понято как обращение к генетическим основаниям легитимации немецкого университета с целью поддержания институционализированной философии определенного типа. То есть эти работы могут рассматриваться как принадлежащее той же дискурсивной формации, что и работы Гуссерля (несмотря на их значительные содержательные различия).

¹⁰ Ср. у Гумбольдта (О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине (1803)): «... особенность высших учебных заведений состоит в том, что для них наука всегда представляет собой проблему, еще не нашедшую своего окончательного разрешения» (Гумбольдт, 2002, 5). Можно сказать, что «система Гегеля» была обречена уже ввиду только этой несовместимости с институциональным регулятивом.

сказать, что с закатом этой системы мы имеем дело только сейчас, по мере ухода агентов, профессиональная социализация которых происходила в рамках данной институциональной модели. Последствия этой трансформации еще только начинают обнаруживаться, однако, мы все еще можем уловить последние отблески на закате одной из наиболее выдающихся институциональных форм, когда-либо дававших прибежище философии в истории западной культуры, которую можно сопоставить с античными школами и «золотым веком» средневекового университета.

С учетом указанной предпосылки анализа в качестве базовой институциональной и, соответственно, дискурсивой структурной дифференциации можно предложить следующую схему. В рамках профессионализованного философского сообщества можно выделить, 1) философские школы в узком смысле,¹¹ в значительной степени разделяющие общий понятийный и категориальный аппарат¹² и ведущие дискуссии на соизмеримом языке по поводу «конкретных» вопросов и проблем; 2) совокупность профессиональных, институционально признанных школ и направлений, которые хотя и взаимодействуют на специализированном и недоступном профанам языке,¹³ однако существенно расходятся в трактовке базовых элементов категориального аппарата, что, в свою очередь, может быть следствием несоизмеримости эпистемического каркаса¹⁴ соответствующих доктрин.¹⁵ Экспликацией изоморфных структур в этой области занимается «история проблем» (Problemgeschichte), парадоксальность которой, однако, состоит в том, что каждая отдельная доктрина обычно *предлагает* решение проблемы, тогда как проблема продолжает сохраняться и решаться с других теоретических позиций. Для философии со второй трети 19-го и до начала 20 века в Германии характерно, что ука-

¹¹ Например, феноменология, неокантианство и т. д. Однако если оперировать в качестве различительного признака дискурсивно-категориальным критерием, то деление должно быть еще более дробным: реалистическая и трансцендентальная феноменология, марбургская и баденская школа неокантианства и т. д.

¹² Например, категории «полагания» (Meinen) и «положение дел» (Sachverhalt) в феноменологии.

¹³ В рассматриваемый нами период сюда можно отнести понятия «я», «значимость» (Geltung), «психическое» и т. д.

¹⁴ Под эпистемическим каркасом мы понимаем совокупность предельных познавательных категорий, задающих правила обсуждения всех других философских проблем в том числе и самой высокой степени общности. Его структура определяет основные правила конструирования онтологий (понятие «предмета», «отношения» и т.д.), очерчивает сферу, доступную (и, соответственно, не доступную) познавательной активности, фиксирует характер знаний, подлежащих объективированной трансляции, эксплицитно или имплицитно формулирует систему семантики, задает понимание познавательно-релевантной истинности и ложности и некоторые другие эпистемологически важные понятия.

¹⁵ Из сказанного видно, что применительно к философии в рассматриваемом здесь контексте было бы неверно говорить о структуре, устроенной по образцу *парадигмы*. Если и подыскивать аналогию из современной теории науки, то применительно к философии можно говорить о сосуществовании различных исследовательских программ.

занная структура оценивается, вообще говоря, как отрицательная и требующая преодоления. Основанием для этого является ориентация на образец естественнонаучных дисциплин, каждая из которых, будучи отдельным направлением, решила (как то считали философы) проблему конфронтации различных школ внутри себя в пользу единого языка и единого эпистемического каркаса, позволяющего сосредоточиться на кумулятивном накоплении знания без постоянного возвращения к принципиальным спорам. Совокупность профессиональных философских школ является, в свою очередь, подсистемой, 3) университетско-академического сообщества в целом, включающего в себя всю совокупность дисциплин, отвечающих легитимному для соответствующего периода понятию «наука». Особенность философии в Германии в 19 веке состоит в том, что из дисциплины, определяющей критерии указанного легитимного понятия, она сама переходит в разряд проблематичных дисциплин и вынуждена явно или латентно ориентироваться на структуру знания, выстраивающуюся в конкретных научных дисциплинах. В философии довольно большое место также начинает занимать работа по экспликации эпистемологии естественных наук, по образцу которых – или в отличие от которых (как это, например, имело место при формировании эпистемологии «понимающих» наук о духе у И. Г. Дройзена) – выстраиваются программы «обналичивания» философских дисциплин. Так, в период до выделения психологии из корпуса философских дисциплин примером копирования эпистемического каркаса естествознания является концепция психологии Гербарта, стремившаяся распространить объяснительные и гипотетико-конструктивные процедуры математизированного естествознания на сферу психического.¹⁶ Таким образом, вслед за Шелером можно сказать, что после того как философия в немецком абсолютном идеализме отыграла роль «деспота наук», она становится их «служанкой» (Schelegel, 1980b, 393). В то же время – и это обстоятельство является, на наш взгляд, важнейшим для понимания роли философии в пределах немецкого университетско-академического сообщества в целом – *система легитимации* институционализированной науки продолжает оставаться *философской* (как и в момент возникновения самого Гумбольдт-университета). В этой ситуации философия как одна из подсистем научного института в целом имела возможность нейтрализовать концепции, угрожающие институциональным формам ее существования, путем демонстрации несовместимости этих концепций с «правилами игры», предписанными системой легитимации научному сообществу, локализованному в рамках немецкой модели университета. В таком случае философское сообщество использовало в качестве

¹⁶ Анализ двух базовых моделей психологии – объясняющей математизированной психологии Иоганна Фридриха Гербарта и генетически-морфологической модели Карла Густава Каруса – см. в работе Клауса Зарха-Хомбаха (Sachs-Hombach, 1993).

своеобразного рычага для внутрикорпоративных «научных» споров те идеологические ресурсы, которые были заложены в системе легитимации функционирования всего научного института в целом. Можно выразиться и так, что для «дискурсивной формации» (см. Фуко, 1996), порождаемой институционализированной философией, на уровне условий возможности воспрещалось построение определенных концепций в том случае, если их выводы могли представлять угрозу для самой *структуры легитимации* этого института, выступающей, таким образом, в качестве порождающей дискурсивной матрицы. Выявление базовой структуры, определяющей конфигурацию дискурсивной формации, требует разыскания инвариантных концептуальных моментов, формирующих системы семейного родства в дискурсивном пространстве. Определенная трудность состоит здесь в том, что это семейное родство во многих случаях завуалировано непосредственной несоизмеримостью теоретических конструкций, эксплицируемых в ходе интерналистского анализа отдельных концепций, а также прямыми дискуссионными столкновениями между различными школами и направлениями, сосуществующими друг подле друга. Тем не менее, случай университета Гумбольдта представляется в этом отношении одним из наиболее удачных, поскольку в данном случае мы имеем дело с эксплицитно сформулированной структурой легитимации, сыгравшей роль учредительной хартии новых учреждений, которая, кроме того, была сформулирована блестящим систематическим умом, опиравшимся на наработки двух поколений немецких мыслителей.¹⁷

Здесь может быть поставлен довольно сложный вопрос о внеинституциональных агентах, которые играют в современном каноне истории философии роль протагонистов в период между Гегелем и такими «восстановителями» философии, как поздние неокантианцы, Дильтей и Гуссерль. В частности, речь идет о Шопенгауэре, Марксе и Энгельсе, а также Ницше. Причем наиболее интересная проблема возникает, на наш взгляд, не в связи с вопросом о том, по каким конкретным причинам, в частности, Шопенгауэр испытывал крайне враждебные настроения по отношению к «профессиональным» философам, какие институциональные правила нарушил Ницше¹⁸ и т. д. Намного интересней поставить вопрос о том, какие меха-

¹⁷ За пределами нашего рассмотрения здесь оставлена тема взаимодействия университетской философии и «образованной публики», изменявшееся по мере описанного Ю. Хабермасом формирования сферы «публичности». В числе важнейших трансформаций, происшедших в начале девятнадцатого века, следует указать также сокращение так называемой «компенсаторной функции философии», фиксировавшейся Шиллером, Гегелем, Марксом, Гейне и др. О публичных функциях университетской философии и роли специализации философского дискурса в 19-м веке см., в частности, Schneider, 1999, 13 ff.

¹⁸ Применительно к этому вопросу показательны критические демарши Ульриха фон Вилламовица-Мёллендорфа в отношении работы Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

низмы сработали так, что Шопенгауэр и Ницше были впоследствии канонизированы самими же профессиональными философами. В качестве объяснения при этом можно указать на срабатывание определенных социологических механизмов в сфере групповых конфликтов: поскольку канонизация этих фигур осуществлялась в рамках определенных групп в пределах более широкого университетского философского сообщества, то представителям этих групп было удобнее опираться на внеинституциональных агентов, не находящихся в состоянии прямой конфликтной дискуссии именно с их группой. Но для более корректного анализа необходим, на наш взгляд, учет определенных содержательных факторов. В частности, Шопенгауэр (как впоследствии и Шпенглер) опирался на авторитеты, канонизированные внутри самого профессионального сообщества (Кант и Гёте), поддерживая тем самым чистоту *post factum* выстроенной «традиции». Равным образом и Ницше позиционировал себя как хранитель «вечной» философии.¹⁹ Можно также сказать, что, рано осознав опасность экспансии исторических наук и «исторического образования» для систематической философии, Ницше сыграл в немецкой философии такую же роль, как и Гуссерль применительно к «психологизму» (см. ниже).

Совершенно самостоятельный сюжет представляет собой марксизм. Довольно ясное высказывание о новом месте локализации философии в послегегелевский период принадлежит Энгельсу: «Что же касается исторических наук, включая философию, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу. И только в среде рабочего класса продолжает теперь жить, не зачехнув, немецкий интерес к теории. Здесь уже его ничем не вытравишь. Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху. Напротив, чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление с са-

¹⁹ Ср. «Таким образом, мало-помалу на место глубокомысленного толкования вечно неизменных проблем выступило историческое и даже филологическое взвешивание и вопрошание: что думал тот или иной философ, имеем ли мы право приписывать ему то или другое сочинение, или даже какому разночтению отдать предпочтение. К такому нейтральному обращению с философией приучаются теперь студенты в философских семинариях наших университетов. Поэтому я уже давно взял за обыкновение рассматривать эту науку как разветвление филологии и оценивать ее представителей постольку, поскольку они хорошие или плохие филологи. Но благодаря этому *сама философия* изгнана из университета ...» (Ницше, 1994, 177-178).

мого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии» (Энгельс, 1964, 53-54). «Рабочее движение», правда, едва ли могло непосредственно служить институциональным субстратом развития и трансляции какой бы то ни было философии. Подходящий случай для институционализации обнаружился только в Советской России, но едва это было подходящим местом для удовлетворения «немецкого интереса к теории».²⁰ Каждый из этих случаев требует, разумеется, отдельного исследования.

Применительно к теме возникновения феноменологии необходимо также отметить, что в структуру университета Гумбольдтом изначально была заложена определенного рода двусмысленность, создающая для философии дилемму, выражающуюся противоположностью индивидуально создаваемой системы (по образцу систем немецкой классической философии) и возможностью традирования этой системы на основании intersubjectивного согласия.²¹ Первый элемент этой дилеммы выражал для Гумбольдта представление о чистой идее науки, которая может созидаться только в «свободе и одиночестве», второй же опирался на допущение метафизического характера о «всеобщей изначальной силе», обнаруживающейся в отдельных индивидах, но сохраняющей наиндивидуальное единство различных проявлений знания. При этом следует учитывать, что одной из основных проблем, которую должна была решать философия, институционально размещающаяся в университете Гумбольдта, состояла в том, чтобы переопределить свои отношения с другими науками после заката системной философии, достигшей своего апогея у Гегеля. Системная философия указанного типа предполагала интеграцию всей совокупности знания, что одновременно означало установление пределов legitimately-научного знания как такового на основании автономно вырабатываемых системных критериев (ту же функцию, хотя и на свой манер, выполняла

²⁰ Энгельс использует здесь один из штампов немецкой культуры, повествующий об особом теоретическом складе немецкого ума. См., в частности, соответствующие высказывания об «интеллектуальном характере немцев» у Гумбольдта (Гумбольдт, 2002, 6).

²¹ «Поскольку научные заведения могут достигнуть своей цели только в том случае, если каждое из них будет по возможности соответствовать чистой идее науки, то преобладающими являются одиночество и свобода. Но ведь и духовная деятельность человека может развиваться только как взаимодействие — не только с тем, чтобы один дополнял то, чего не хватает другому, но и с тем, чтобы успешная деятельность одного вдохновляла других и чтобы всем стала видна та всеобщая изначальная сила, которая в отдельных личностях проявляется лишь изредка и светит отраженным светом. Поэтому внутренняя организация этих учреждений должна порождать и поддерживать взаимодействие непрерывное, самовозобновляющееся, но при этом непринужденное и не преследующее заранее заданной цели» (Гумбольдт, 2002, 5).

и критическая философия Канта). После сравнительно небольшого периода совпадения соответствующих институциональных регулятивов²² и философии такого рода эта гармония (по крайней мере с точки зрения философов) была разрушена со стороны ученых-естественников, устремления которых не могли не найти поддержки в обществе, переживающем начало промышленной революции. Результатом этого конфликта и стало формирование основного набора философских дисциплин, доминирующих до настоящего времени (философия как теория науки, философия как история философии и т. д.). Причем на протяжении девятнадцатого века немецкой академической философии удалось, на наш взгляд, благополучно избежать растворения в массе двух других групп наук. Последовательно эти опасности выступали в виде, сперва, исторической науки,²³ а затем, психологии. Весьма ощутимый удар по экспансии исторического сознания был нанесен, в первую очередь, «Несвоевременными размышлениями» Ницше,²⁴ который в качестве аргумента использовал апелляцию к вредности истории для витальной активности нации. По существу этот аргумент блокировал распространение одной из концепций на том основании, что та нарушала границы легитимной концептуальной матрицы, допустимой в институциональной среде. С одной стороны, Ницше утверждал, что в основе прогрессивного развития народа лежит жизненный импульс, движимый определенным рода исторической «наивностью», тогда как, с другой стороны, он показывал, что этот импульс блокируется определенной научной концепцией и определенным типом образования («историческим образованием»). Тем самым нарушался изначальный договор между институционализированной научной корпорацией и государством,²⁵ а значит и «историцизму» предстояло впредь считаться

²² См. перечисление «тройственного устремления духа» у Гумбольдта (Гумбольдт, 2002, 6).

²³ «Сперва историческая наука (в современном смысле) берет на себя ведущую роль в борьбе против немецкого идеализма, и вместе с тем она одновременно ускоряет имплицитную ревизию господствующей концепции науки; философы и теоретики науки присоединяются к ней значительно позже. ... Юная историческая наука переняла после Гегеля не только руководство в области научной оппозиции идеализму: временно она стала также ведущей силой *образования* и вместе с тем переняла традиционную роль философии» (Schnädelbach, 1991, 49).

²⁴ См. также базельский цикл лекций Ницше «О будущности наших образовательных учреждений», прочитанный в 1872 году (Ницше, 1994). Рассмотрение Ницше в качестве одного из наиболее последовательных теоретиков образования, ориентировавшихся на элитарную философски-филологическую модель университета, заслуживало бы отдельного исследования. Следует, однако, отметить, что эта модель вступает во второй половине 19 века в конфликт с образовательными задачами технического индустриального общества (проблема так называемого «реального образования»), что вызывает резкое недовольство института гуманитарных «немецких мандаринов» (если воспользоваться термином Ф. Рингера).

²⁵ В целом ... государство не должно требовать от них <университетов – В. К.> ничего, что непосредственно и напрямую относилось бы к нему, но сохранять внутреннюю убежденность в том, что, когда они достигнут своей конечной цели, они выполнят и его задачи, причем

с этими аргументами Ницше (которые постоянно находятся в поле зрения позднейших «историцистов», например, Дильтея).

Преодоление второй опасности происходило в рамках борьбы с «психологизмом», точнее говоря, с «натуралистической» версией психологизма, которой противостояли несколько вариантов «дескриптивной психологии», предложенные Ф. Brentano, В. Дильтеем, Т. Липпсом, ранним вариантом феноменологии Гуссерля.²⁶ Несмотря на то, что борьба с натуралистическими разновидностями психологизма велась Дильтеем, а в более радикальной форме — Г. Фреге и П. Наторпом, наибольший резонанс получила критика психологизма, предложенная Гуссерлем в «Пролегоменах к чистой логике» (1900). Базовым фактором, определившим выдающуюся роль «Пролегомен» Гуссерля, является — и в этом состоит наш тезис — то, что Гуссерль задействовал ресурс легитимационной структуры и показал, что психологизм выходит за пределы «правил игры», допустимых для институционализированного научного сообщества. Решающим здесь является сведение психологизма к *релятивизму* и *скептицизму* (глава седьмая «Пролегомен» так и называется «Психологизм как скептический релятивизм»). Гуссерль не был новатором в критике психологизма, но он сделал из него крайние выводы: оказалось, что психологизм ведет прямо к скептицизму. А этого не сделали ни Фреге, ни Наторп. Скептицизм же по своей сущности противоположен самим основаниям того института, в рамках которого работал и Гуссерль и все его оппоненты. Скептицизм подрывает саму «чистую идею науки» (Гумбольдт), которая была заложена в основание немецкого университета. Это «негативная философия» (воспользуемся термином Г. Шпета, транслировавшем в свое время соответствующий топос на российскую почву (Шпет, 1914, 11)). Именно это обстоятельство (по отношению к которому все прочие факторы играли вторичную роль) позволяет, на наш взгляд, понять, почему критика Гуссерля приобрела наибольшее влияние и резонанс, а также то, почему никто серьезно не оспаривал критическую аргументацию Гуссерля в целом (например, в форме вопроса: а чем плох скептический релятивизм?). Основная стратегия защиты от обвинений Гуссерля выстраивалась в форме контратаки: Гуссерлю возвращали его собственные аргументы, обвиняя в психологизме, в особенности, второй том «Логических исследований».²⁷ Именно та-

в намного более масштабной перспективе, с большей широтой охвата» (Гумбольдт, 2002, 7). Аргумент Ницше, таким образом, означал, что определенный тип научного дискурса непосредственно вредит государству, причем чем дальше, тем больше, а, следовательно, наука не может «в конечном счете» выполнить задачи государства в данном случае.

²⁶ Подробнее см. Куренной, 2002.

²⁷ Здесь мы вкратце повторяем ряд выводов, сделанных в докладе «Феноменология и университет» в Киеве в 1997 году (Куренной, 1998). Определенная близость нашей постановки вопроса (но не решений) работам Мартина Куша (Kusch, 1995; Kusch, 2000) в особенности отразилась в силу того, что на тот момент времени эти работы нам были совершенно неизвестны.

ким образом публично или в переписке с Гуссерлем выступали К. Зигварт, П. Наторп, Т. Липс, А. Майнонг и др. Аналогичную позицию по отношению к скептицизму и релятивизму как таковому легко можно обнаружить в многочисленных работах немецких профессиональных философов как до Гуссерля (в таком именно качестве интерпретировалась Кантова критика философии Юма; см., например, также «Логические исследования» Адольфа Тренделенбурга), так и после него.

Более того, в силу практики постоянного размежевания со скептицизмом и релятивизмом разного рода, принятой во *всех* доминирующих академических философских дискурсах современности, можно предположить, что успех критики Гуссерля (сведение к скептицизму и релятивизму = резко негативная оценка позиции) основывается на легитимационных ресурсах не только университета Гумбольдта, но и большинства институциональных форм существования современной философии.²⁸ Это означает, что сторонник «скептического релятивизма» нарушает наиболее фундаментальные правила игры, предписанные этим институтам, и фактически ставит себя вне их легитимных рамок. Учет и анализ этих взаимоотношений между социально-организационными и теоретическими структурами продуктивно рассматривать, как нам представляется, в рамках концепции, предложенной Максом Шелером в работе «Проблемы социологии знания» (Scheler, 1980a), а именно: речь идет об экспликации структурной («сущностной», как выражается Шелер) корреляции, существующей между характером института и той системой знания, которая создается и транслируется в рамках этого института. Таким образом, можно сказать, что успех антипсихологистской критики Гуссерля был обеспечен тем, что ему удалось опереться в этой дискуссии на определенную систему запретов, продуцируемую институтом профессионального философского сообщества и структурой ее легитимации. Иными словами, при этом был задействован наиболее фундаментальный уровень институциональных факторов, сохраняющих, как было отмечено, свое значение и за пределами немецкой модели университета.

При этом, однако, возникала одна трудность, связанная с тем, что антинатуралистические концепции (включая ранний вариант феноменологии Гуссерля, представленный в первом издании «Логических исследований») также выстраивались в основном в форме «психологии» (пусть и «дескриптивной»). Поэтому хотя критика Гуссерля и снискала ему известность в среде профессиональных философов, она все же не решала проблемы там, где философское сообщество Германии испытывало влияние непро-

²⁸ В качестве иллюстрации здесь можно было привести множество современных компаний против так называемого «постмодернизма», в которых констатация «релятивизма» выступает в качестве обвинительного вердикта. Это обстоятельство указывает на существенный дефицит структурной эластичности в том числе и в современных философских институтах.

фессионалов, а именно в среде министерских чиновников, где эта критика не могла оказать заметного влияния²⁹ (она, тем не менее, сыграла весьма существенную роль в карьерном продвижении Гуссерля, вызвавшего симпатии такого влиятельного философа и чиновника, как Дильтей). Критическое предприятие Гуссерля нашло свое продолжение в полемике против «натурализма» и «историцизма», изложенной в «программной» — как она нередко характеризуется — статье «Философия как строгая наука» (1911). Как мы попытаемся показать ниже, эта статья как в своей критической, так и в позитивной части является производной как от некоторых общих противоречий, свойственных университету Гумбольдта в целом, так и от текущего конфликта групп в рамках этого института.

Летом 1912 года, несмотря на противодействие Пауля Наторпа, на профессорскую кафедру Марбургского университета, которую до этого занимал Г. Коген, правительством был назначен психолог-экспериментатор Эрих Йенш. Генрих Риккерт выступил с инициативой публичного обращения в пользу сохранения философских кафедр. Это «Заявление», подписанное 107 философами, было опубликовано в наиболее авторитетных философских журналах Германии.³⁰ Помимо тех функций, которые в своих

²⁹ Чиновники министерства образования имели решающий голос при назначении на освобожденные или вновь учреждаемые профессорские должности. Согласно замыслу Гумбольдта, именно такая процедура позволяла избегать излишней гомогенизации университетской научной среды, которая, в противном случае, испытывала бы тенденцию к формированию из единомышленников. Ср. в работе «О принципе подразделения высших научных заведений и их различных видах»: «Преподавателей университета должно назначать исключительно государство, и, несомненно, не стоит допускать большее влияние факультетов на этот процесс, чем предоставил бы им опытный и рассудительный попечительный совет. В университете антагонизм и сопротивление благотворны и необходимы, а столкновение, которое само по себе возникает между преподавателями в ходе их деятельности, может невольно повлиять на их предпочтения» (Гумбольдт, 2002, 10).

³⁰ «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik» 151 (1913), S. 233; «Kant-Studien» 18 (1913), S. 306; «Logos» 4 (1913), S. 115. Позволим себе полностью привести текст этого примечательного и в определенном смысле уникального документа:

Заявление.

Подписавшиеся преподаватели философии высших школ Германии, Австрии и Швейцарии вынуждены сделать заявление, которое обращено против занятия философских кафедр представителями экспериментальной психологии.

По мере чрезвычайно отрадного подъема экспериментальной психологии сфера деятельности этой науки расширилась настолько, что она уже давно признана самостоятельной дисциплиной, занятия которой требуют от ученого приложения всех его сил. Несмотря на это, для нее не создаются новые кафедры, но вместо этого на профессорские кафедры философии постоянно назначаются люди, деятельность которых в основной своей части или даже исключительно посвящена экспериментальному изучению психической жизни. К этой ситуации можно отнестись с пониманием, если вернуться к истокам этой науки, поскольку ранее нельзя было избежать того, чтобы обе дисциплины одновременно были представлены одним ученым. Однако прогрессирующее развитие экспериментальной психологии имело дурные последствия для всех задействованных здесь лиц. И в пер-

работах справедливо связывает с этим конфликтом Мартин Куш, можно допустить, что именно это крайнее обострение институционального конфликта между естественнонаучной экспериментальной психологией и философией (включая разновидности дескриптивной (=чисто философской) психологии), вылившееся, в конце концов, в «спор о кафедрах», определило дальнейшую судьбу основных проектов дескриптивной психологии как таковой: Гуссерль переходит на позиции «трансцендентальной феноменологии», тогда как Дильтей делает поворот в сторону «объективного духа» и актуализации герменевтической методологии. При этом значительное число работ, созданных в начале 20-го века и посвященных взаимоотношению психологии и философии, могут рассматриваться — несмотря на то, что зачастую они написаны с весьма различных теоретических позиций, — как производные от этого институционального конфликта философов и экспериментальных психологов. В этих работах нередко обнаруживается также латентный конфликт «историков» и «чистых философов».³¹ Что эти работы прямо коррелируют с университетской кадровой политикой показывает, например, описание Гуссерлем в письме Наторпу от 29.XII.1908 предмета его конфликта с факультетом в Геттингене: «Мюллер — это экспериментальный психолог, но вовсе не философ (и он сам, в действительности, не стремится им быть); и если философия в университете должна быть представлена, как и прежде, двумя ординарными профессорами, то помимо моего места должно быть определено (создано) еще и второе место. Кроме того, по меньшей мере одно из этих двух мест должно постоянно оставаться зарезервированным за систематической философией, тогда как другое могло бы заниматься с учетом потребностей классических фи-

ловую очередь философии, которая вызывает все больший интерес у академической молодежи, был нанесен чувствительный ущерб в силу лишения ее кафедр, предназначенных только для нее. Это вызывает тем большую тревогу, что область работы философии постоянно увеличивается и что именно в наше философски оживленное время мы не можем предоставить студентам возможность научно сориентироваться за время их академической учебы в общих вопросах мировоззрения и понимания жизни.

В силу этого подписавшиеся считают своим долгом указать философским факультетам и учебной администрации на причиняемый тем самым ущерб для изучения философии и психологии. В общих интересах обеих этих наук следует обратить особое внимание на то, чтобы философия сохраняла свое положение в жизни высшей школы. Поэтому в будущем экспериментальная психология должна поддерживаться только путем учреждения собственных кафедр, и везде, где прежние философские кафедры уже заняты экспериментальными психологами, следует позаботиться о создании новых кафедр. (*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 151 (1913), S. 233-234.)

Среди подписавших заявление: Э. фон Астер, Б. Баух, А. Брюнсвиг, Н. Бубнов, Г. Коген, Й. Кон, Г. Корнелиус, Р. Эйкен, К. Фишер, М. Фришайзен-Кёлер, М. Гайгер, Б. Гротгейзен, Н. Гартман, Э. Гуссерль, Р. Кронер, Э. Ласк, А. Метцгер, Г. Миш, П. Наторп, А. Пфендер, Г. Риккерт, А. Риль, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, Ф. Тённис, Г. Файхингер, В. Виндельбанд.

³¹ См., например, Natop, 1905 — статья в крупной немецкой газете, посвященная теме независимости философии как от психологии, так и от истории философии.

логов и историков и принимая во внимание представительство такой специальности, как история философии. В этом состоит существо моей оппозиции факультету, который наряду с Мюллером как «естественнонаучным» философом требует также «филолого-исторического» философа (каждой секции — по своему собственному), что, таким образом, ведет к незаметному исключению действительно творческой философии. В действительности, весь этот спор характерен для того немыслимого пренебрежения к подлинной и живой философии как систематической науке, противостоящей и экспериментальной психологии (как одной из естественных наук), и исторической философии (как одной из исторических наук)» (BW, V, 101). К числу работ, порожденных той же институциональной проблемой, следует отнести также и рассматриваемую статью Гуссерля 1911 года «Философия как строгая наука». Для этого нам вовсе не следует занимать позицию «критики идеологии». Связь содержания этой статьи, в критической части обращенной против «натурализма» и «историцизма», с кадровой политикой вполне осознавалась как самим Гуссерлем, так и его современниками. В подтверждение этому достаточно привести пример перевода одного дискурсивного ряда в другой, осуществляемый контекстуальным участником дискуссии. Пример такого рода перевода дает нам сам Гуссерль, отзывающийся (в письме от 21.XI.1912) на приглашение Риккерта поучаствовать в указанном коллективном заявлении философов. Гуссерль при этом пишет: «Меня также глубоко возмущает, каким образом марбургский «философский» факультет повел себя при назначении преемника на профессорскую кафедру Когена, согрешив тем самым перед славными традициями марбургской философии и перед философией вообще. Но в этом беда нынешнего положения философии в немецких университетах. В *немецких* — так, словно бы это не миссия немецкого народа — освещать всем другим народам путь в философии. Половина кафедр, по-видимому, безвозвратно отойдет экспериментальной психологии. Однако это еще не все. Ибо это вовсе не означает, что другая часть кафедр останется за самой философией. Между естественнонаучными и филологическо-историческими группами на факультетах возникает противоречие: коль скоро ученые-естественники добились признания своих «естественнонаучных философов», то теперь и историки хотят иметь своих «исторических» философов. Но это открывает путь эклектическому историцизму, и живая, работающая над живыми проблемами философия будет иметь значение только тогда, когда она станет исторической окаменелостью для собирателя историчистских окаменелостей. То, что я думаю по этому поводу, я отчетливо выразил в своей статье в «Логосе»,³² причем я вполне осознавал ту враждебность, которую я мог возбудить против себя и в которой теперь нет недо-

³² Имеется в виду статья «Философия как строгая наука» — В. К.

статка. Само собой разумеется, я остаюсь верен своим взглядам и с удовольствием приму участие в запланированной Вами акции» (BW, V, 172-173).

В то же время заслуживает внимания и позитивная часть статьи «Философия как строгая наука». Здесь мы обнаруживаем следующее требование к подлинно научной философии: «Насколько простирается наука, действительная наука, настолько же можно учить и учиться, и притом всюду в одинаковом смысле» (Гуссерль, 1994, 130). Препятствием к этому является, в частности, именно системотворческая деятельность на манер, как можно предположить, немецкого абсолютного идеализма, где речь идет о «системе», подобной «Минерве, которая законченная и вооруженная выходит из головы творческого гения» (Гуссерль, 1994, 131). Таким образом, Гуссерль тематизирует здесь структурное затруднение, свойственное немецкому университету, а именно, уже упоминавшееся выше противоречие между системосозидающей философской деятельностью, протекающей в «свободе и одиночестве»,³³ и требованием традирования и, по возможности, преумножения достигнутых результатов. Если мы вернемся к первому изданию «Логических исследований» Гуссерля, то во «Введении» ко второму тому (1901) можно обнаружить поразительное высказывание относительно значимости этих исследований: «Поставленные нами границы мы не переходим и в том случае, когда мы, например, исходим из фактического наличия языков и рассматриваем только коммуникативное значение некоторых языковых форм выражения и т. п. Можно легко убедиться, что связанные с этим анализы имеют свой смысл и теоретико-познавательную ценность, независимо от того, действительно ли существуют языки и взаимное общение людей, которому они призваны служить, *существует ли вообще нечто такое, как люди или природа*,³⁴ или же все это имеет место только в воображении и в возможности» (Гуссерль, 2001, 34). Переход к задаче традирования философии (которую, разумеется, трудно реализовывать, если не существует «вообще нечто такое, как люди или природа»), как она заявлена в статье 1911 года, является в свете этого высказывания необычайно радикальным для самого Гуссерля. Но, удивительное дело, в статье, которую принято считать программной для самоопределения феноменологической философии, исходной является та же проблема, которую за *восемьдесят лет* до этого озвучивал Фридрих Эдуард Бенекке: «В философских работах ... цитируются в лучшем случае сочинения той школы, к которой принадлежит их автор; других для него не существует; и дошло уже до то-

³³ Этот оборот, закрепленный в учредительных сочинениях Гумбольдта, является необычайно частотным в словаре Гуссерля, причем не только в переписке (письмо А. Майнонгу от 5.IV.1902; Ф. Brentano от 11./15.X.1904), но и в теоретических работах (см., например, теоретическую роль «уединенной душевной жизни» для семантической концепции Гуссерля (первое «Логическое исследование»)).

³⁴ Курсив наш. — В. К. Выделенный фрагмент *вычеркнут* из второго издания работы.

го, что даже никакая полемика больше невозможна между противостоящими друг другу партиями. Для них потеряны любые общие связующие точки; что для одного белое, то для другого черное, начиная от первых основных понятий и положений; язык одной школы абсолютно непонятен другим, и скоро дойдет до того, что каждый начнет говорить только сам с собой» (Beneke, 1832, 10-11). Итак, можно видеть, что в данном случае определенная проблематика возникает в немецкой академической среде с завидным постоянством, что и является аргументом в пользу ее несамостоятельности. Напротив, она является производной от определенной институциональной структуры или, иначе говоря, — определенного излома в этой структуре, порождающего противоречивые требования к ее агентам. С одной стороны — это требование «уединенной» и «свободной» работы над собственной «системой» (наличие которой и было, вообще говоря, решающим фактором при назначении на должность профессора), а с другой стороны — требование преемственности и кумулятивного накопления знания, которое ориентируется на комплекс представлений о развитии естествознания. В заключение можно добавить, что хотя девиз Гуссерля о выстраивании преемственной философии и был подхвачен в рядах представителей раннего феноменологического движения (ср., например, Райнах, 2001, 350), однако, в силу «трансцендентального», про-кантианского поворота Гуссерля оно фактически перестало выполняться, так что Гуссерль продолжил свой путь «неутомимого и одинокого труженика».³⁵

Наконец, третья группа институциональных факторов, оказавших влияние на формирование феноменологии или, точнее, феноменологического движения, может быть увязана с институциональными механизмами в пределах университета как системы, способной наделять своих агентов определенными статусами — докторской степенью и правом преподавания в университетах (*venia legendi*). Студенты, обучавшиеся в одном университете, во многих случаях должны были защищать докторскую или габилитационную работу в другом университете.³⁶ Функциональный смысл такой практики ясен: она противодействовала культивированию замкнутых систем знания, разделяемых только локальной подсистемой научного сообщества. В то же время понятно и то, что в сложившейся системе школ и направле-

³⁵ Дневниковая запись Ральфа Перри, сделанная после встречи с Гуссерлем в июне 1930 г. (цит. по Schuhmann, 1977, 364).

³⁶ Это могло быть вызвано как личными причинами, так и тем, что в ряде случаев это предписывалось институциональными регламентами (см., например, Ingarden, 1992, 43, Anm.), тогда как в других случаях необходимость обращения в другой университет вытекала из ограниченного числа претендентов, допускавшихся к постановке на защиту, или из неписанного корпоративного узуса. Во всяком случае, можно констатировать, что в конце 19- начале 20-го столетия практика защиты в университете, отличном от того, где готовилась, например, габилитационная работа, была более распространенной, чем защита по месту обучения, хотя мы и не могли бы указать официальное, постоянно действующее правило на этот счет.

ний довольно трудно представить себе быстрое распространение нового философского направления (что как раз и демонстрирует случай феноменологии). И действительно, можно видеть, что ученики Гуссерля поначалу испытывали значительные затруднения при попытках преодолеть барьер профессиональной социализации.³⁷ Например, в 1908-1909 гг. между Гуссерлем и Наторпом возникла конфликтная ситуация по поводу защиты в Марбурге габилитационной работы по эстетике Вальдемаром Конрадом (одним из геттингенских учеников Гуссерля). Наторп писал Гуссерлю в письме от 21.I.1909: «В его представленных на сегодняшний день исследованиях мы³⁸ видим заслуживающие внимания дескриптивные *приготовления* к эстетике, тогда как мы требуем от философской эстетики более глубокого погружения в центральные вопросы» (BW, V, 104). Гуссерль отвечал на это (18.III.1909): «... мои ученики находятся в плохом положении из-за того, что еще не опубликованы мои исследования, посвященные идее феноменологической критики разума, из которых явствовало бы, что работы в стиле Конрада в действительности не только не чужды самой сути философской работы, но по своей природе как раз и «направлены на радикальное обоснование». Я не мог бы одобрительно отнестись к тому, чтобы в каждой подобной работе наличествовало бы стремление непременно высказаться о методе и принципиальных или, лучше сказать, высших целях критического исследования разума. Любая такого рода тема (в феноменологической сфере) имеет свой особый, ведущий к высочайшим вершинам путь, проследить который молодой философ еще не в состоянии. Для этого требуются годы глубокого и постепенно продвигающегося вперед исследования. И поэтому для меня достаточно, если он правильно берется за дело и основательно начинает работать, продвигаясь снизу вверх» (BW, V, 110). Если бы Гуссерлю не удалось добиться признания легитимности проводимых его учениками и последователями исследований в рамках профессионального сообщества, то сегодня мы едва ли могли говорить о «феноменологическом движении». Однако эту задачу удалось реализовать в силу того, что начинания Гуссерля были почти сразу же положительно восприняты в Мюнхенском университете, где самостоятельно развивалась мюнхенская школа феноменологии (первоначально возглавляемая Т. Липпсом). Именно воссоединение Гуссерля и «мюнхенцев» создало «мюнхенско-геттингенскую» школу феноменологии, представители которой циркулировали между Мюнхеном и Геттингеном, что было обеспечено взаимным концептуальным признанием. Это сотрудничество привело к созданию новых институциональных структур, таких как «Ежегодник по философии и феноменологическо-

³⁷ Сходные трудности испытывал и сам Гуссерль при получении профессорской должности. Так, коллеги по Геттингенскому университету отклоняли кандидатуру Гуссерля ввиду незначительного «научного значения» его работы (BW, I, 42, Anm.).

³⁸ То есть Наторп и Герман Коген. — В.К.

му исследованию» (за время издания (1913-1930) вышло 11 выпусков). В то же время институциональный альянс Гуссерля и мюнхенских феноменологов возникает именно в силу близости теоретических построений, точнее говоря, в силу того, что Гуссерлю удалось предложить решение ряда эпистемологических затруднений, существовавших в описательной психологии мюнхенцев.³⁹ То есть, основанием возникновения определенной институциональной структуры в данном случае является «идейный» фактор, тогда как, возникнув, эта структура работает на распространение и расширение влияния уже самой теоретической программы. По мере того, как феноменология приобретает институциональную респектабельность, необходимость в этом альянсе снижается, что совпадает и с возникновением «раскола» в раннем феноменологическом движении: Гуссерль совершает движение к кантианству (представители которого были одновременно и наиболее влиятельными институциональными игроками, поддерживаемыми бюрократическими структурами⁴⁰), тогда как прежние сторонники Гуссерля отмежевываются от трансцендентализма, что выражается иногда в довольно острых взаимных обвинениях.⁴¹ В этом случае у нас, однако, нет оснований полагать, что между этими социально-статусными изменениями и теоретическими позициями существует прямая взаимосвязь. В данном случае можно лишь констатировать определенные соответствия структуры изменений в социальной и теоретической сферах, но у нас нет достаточных оснований, чтобы считать, что изменения в какой-то одной области определяют изменения в другой. В отличие от случая полемики с психологизмом натуралистического толка и историцизмом здесь у нас нет также свидетельств того, чтобы связь между этими областями каким-то образом осознавалась или артикулировано учитывалась самими социальными агентами.

Рассмотрев ряд сюжетов, связанных с историей феноменологии и феноменологического движения, мы можем констатировать довольно существенную роль внетеоретических, социальных факторов, оказавших существенное влияние на ключевых этапах ее становления и развития. В то же время характер этих факторов, а также характер их воздействия существенно варьируется. Мы могли бы объединить их в три группы: 1)

³⁹ Подробнее см. Куренной В. Проблема возникновения феноменологического движения. — Дисс. М., 2001.

⁴⁰ Г. Файхингер, предлагавший Гуссерлю вступить в Кантовское общество (и этим предложением Гуссерль воспользовался) в том же письме (от 14.IV.1904) говорит: «Из проспекта Вы можете видеть, какое значение этому делу придает *министерство*, которое пожертвовало 2500 марок фонду Канта. В особенности *Альтхоф* <Фридрих Альтхоф — докладчик совета по делам университетов в прусском министерстве образования, игравший ключевую роль при решении кадровых вопросов университета — *В.К.*> живо следит за развитием дел, а если наладится взаимодействие многих сил, то можно ожидать еще большего» (BW, V, 204)

⁴¹ Особенно показательны в этом отношении письмо Гуссерля Г. Шпигельбергу от 19. VI. 1935 (BW, II, 252-253).

институциональная среда возникновения и развития данного философского направления (университет Гумбольдта с присущей ему организационной и ролевой системой, набором институциональных регламентов и т. д.); 2) внутриинституциональная структура, основывающаяся как на «идейных» (множество движений и направлений), так и на организационных дифференциациях (профессорские места под определенные дисциплины); 3) система легитимации этих институтов. Несмотря на то, что система легитимации имеет значительную «идейную» составляющую, ее можно отнести к сфере социальных факторов в силу того, что она выполняет определенные социальные функции и не находится в пространстве теоретического взаимодействия наравне с другими теоретическими построениями. Здесь имеет место своего рода экстернализация определенного теоретического содержания, которое первоначально могло вырабатываться в рамках довольно специальных дискуссий и на равных, «рациональных», основаниях конкурировать с другими «идейными» образованиями (разумеется, такого рода трансгрессии философских концепций происходят постоянно и не ограничиваются рассматриваемым случаем институтов самой философии). Ряд фундаментальных особенностей немецкой академической философии, а также определенные трансформационные процессы, происходившие в ней за время существования Гумбольдтовой модели университета, продуцируются и ограничиваются концептуальной системой легитимации этого института. В частности, в случае феноменологии можно видеть, что указание на нарушение заданных системой легитимации правил построения философской доктрины (в данном случае, уличение «психологизма» в «скептическом релятивизме») само по себе являлось исчерпывающим аргументом против этой доктрины. В силу своего философского происхождения система институциональной легитимации определяла привилегированный статус самой философии (причем философии определенного рода) в рамках университета. Когда этот определенный тип философии и философствования испытывал угрозу со стороны теоретических начинаний существенно иного рода, он мог задействовать свой социальный ресурс, который является базовым для всех допустимых в рамках данной системы легитимации философских течений и направлений. Именно по этой причине неокантианцы, Э. Гуссерль, Т. Липпс и В. Дильтей были единомышленниками в своей борьбе против общей угрозы. В письме от 20.XII.1915 Гуссерль сообщал Риккерт: «последнее десятилетие я чувствую себя тесно связанным с вождями немецкой идеалистической школы. Как соратники мы сражаемся против нашего общего врага — современного натурализма» (BW, V, 178). В качестве непосредственной *причины* солидаризации в данном случае выступает определенный социальный конфликт (передача философских кафедр психологам-экспериментаторам (=представителям «натурализма»)). Однако основания возможности этой солидаризации

и успешность противостояния не могут, как нам представляется, быть поняты из текущей констелляции социальных факторов. Доводом в пользу этого положения может служить повторяемость аргументативных приемов в ситуациях, никак не связанных с той, что имела место в начале 20-го столетия, первой мировой войной и т. д. И действительно, можно без труда указать такого рода примеры (но только в том случае, если рассматривать эту проблематику в определенных нами рамках институционального контекста). В частности, первым радикальным «психологистом» можно считать Фридриха Эдуарда Бенеке, который в 20-30 гг. 19-го века служил объектом тех же критических стратегий, что и «натурализм» в начале 20 столетия. В 1833 году Карл Розенкранц докладывал прусскому министру культуры Иоганну Шульце: «Господин Бенеке уже долгое время трудится на ниве психологии и прекрасно знаком с этой областью. Безусловно, следует отдать должное его усердной работе, внешней учености и проницательности, нередко позволяющей ему в педантичной изощренности равняться с Гербартом. Господин Бенеке честно продвинулся настолько, насколько это позволяли ему его дарования. Однако он стремится к чему-то еще большему. Он хотел бы изменить всю философию — причем посредством одной только психологии. ... Он пытается свести свои многочисленные наблюдения в единую систему, строй которой совершенно беспринципен. Ибо господину Бенеке совершенно неизвестны предпосылки, на которых строится психология, ему неизвестно, чем отличается психическое, с одной стороны, от метафизического и физического и, с другой стороны, от свободной, никак не привязанной к психическому жизни духа — с другой» и т.д. (цит. по Köhnke, 1986, 73-74). Воспроизводство таких же аргументативных стратегий в период «возрождения идеализма», имевший место в начале 20-го века, как раз и является указанием на то, что здесь задействованы более фундаментальные структуры, которые мы характеризовали с опорой на понятия, введенные Фуко,⁴² а также на тезис Шелера о корреляции учений и институтов (корреляции, как мы пытались показать и что было для нас принципиально, в ряде случаев хорошо осознаваемой участниками конфликта). Иначе говоря, прямые казуальные зависимости можно фиксировать применительно к случаю феноменологии в довольно узком сегменте порождения конфликтных ситуаций. Наконец, в отношении некоторых случаев мы можем ограничиться только указанием на синхронность процессов, протекающих в теоретической и институциональной области (как это имело

⁴² Даже если придерживаться такой интерпретации Фуко, при которой социальные и организационные структуры являются детерминантами определенных теоретических особенностей систем знания (см. Сокулер, 2001), то применительно к нашему случаю следует лишь напомнить, что сами эти структуры являются продуктом экстернализации теоретических и мировоззренческих построений.

место в случае возникновения, а затем распада институциональных и концептуальных альянсов в раннем феноменологическом движении). Однако начальный момент создания концептуального альянса между Гуссерлем и мюнхенскими феноменологами был вызван, как указывалось выше, именно содержательными, теоретическими особенностями их концепций,⁴³ а это означает, что понимание протекавших здесь процессов требует интерналистского анализа содержания этих концепций.

Принятые сокращения

BW – Husserl E. Briefwechsel. Hrsg. von E. Schuhmann und K. Schuhmann. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 1994.

I – Bd. I. Die Brentanoschule.

II – Bd. II. Die Münchner Phänomenologen.

V – Bd. V. Die Neukantianer.

Литература

Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.

фон Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас 2 (22) 2002. С. 5-10.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Сб. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994.

Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Куренной В. Феноменология и университет // Феноменология и гуманитарное знание: материалы международной конференции. Киев: Тандем, 1998. С. 151-161.

Куренной В. Дескриптивная психология: пролегомены к анализу теоретического содержания и общее эпистемологическое затруднение // Герменевтика. Психология. История. [Вильгельм Дильтей и современная философия]. Материалы научной конференции РГГУ. М.: Три квадрата, 2002. С. 81-101.

Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // Философия в трагическую эпоху. Сб. М.: REFL-book, 1994.

Райнах А. Собрание сочинений. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

Рорти Р. Философия как зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новоси-

⁴³ Не имея возможности развернуть здесь позитивные аргументы в пользу этого положения, мы можем, тем не менее, воспользоваться следующим аргументом от противного. Если не прибегать к анализу содержания этих концепций, то мы никогда не ответим на вопрос, почему возник именно этот, а не любой другой теоретический альянс (при том, что мюнхенская школа не принадлежала к близким феноменологии Гуссерля направлениям – ни по языку, ни по ряду базовых элементов эпистемического каркаса).

- бирского университета, 1997.
- Сокулер З. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 2001.
- Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996.
- Шпет Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М.: Книгоиздательство «Гермес», 1914.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Издательство политической литературы, 1964.
- Beneke F. E. Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit. Berlin: Posen und Bromberg, 1832.
- Ingarden R. Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls. Osloer Vorlesungen 1967. Gesammelte Werke. Bd. IV. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992.
- Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
- Kusch M. Psychologism. A case study in the sociology of philosophical knowledge. London/New York: Routledge, 1995.
- Kusch M. The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense // Kusch M. (ed.) The Sociology of Philosophical Knowledge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 15-38. (см. также настоящий выпуск журнала).
- Natorp P. Die Philosophie im Examen // Литературное приложение к газете *Frankfurter Zeitung*, 24-25.01.1905.
- Ringer F. K. The Decline of the German Mandarins. Cambridge, 1969. (Ряд фрагментов работы опубликованы в журнале «Новое литературное обозрение» (1 (53) 2002. С. 105-158).)
- Sachs-Hombach K. Philosophische Psychologie im 19. Jahrhundert: Entstehung und Problemgeschichte. Freiburg (Breisgau) /München: Alber, 1993.
- Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Gesammelte Werke, 8. Bd. Bern/München: Francke, 1980. (Scheler, 1980a.)
- Scheler M. Universität und Volkshochschule // Gesammelte Werke, 8. Bd. Bern/München: Francke, 1980. (Scheler, 1980b.)
- Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831-1933. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.
- Schneider U. J. Philosophie und Universität. Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1999.
- Schuhmann K. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. (Husserliana. Dokumente. Bd.I.) Den Haag: Martinus Nijhoff, 1977.
- Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Reform des Bildungswesens. Unveränderte Neuausgabe mit Nachträgen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960.
- Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin: Verlag von Reuther & Reichard, 1909.